

НОВЫЕ КНИГИ О МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Юрий Игоревич Семенченко

ассистент преподавателя, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru

Аннотация. В библиографическом обзоре рассматриваются научные труды зарубежных исследователей, посвященные феномену метатекстуальности, среди которых издание “Metafiction Short Story Writers” (2016), глава Д. Мелье “World Building and Metafiction in Contemporary Comic Books” в коллективной монографии “World Building. Transmedia, Fans, Industries” (2017), а также монография А. Макрей “Discourse deixis in metafiction” (2019). В первом случае анализируется опыт создания своего рода компендиума малой прозы тех авторов, которые так или иначе тематизировали процесс творчества. При рассмотрении работы Д. Мелье упор делается на выявленном ученым поджанре метакомиксов. Рецензируемая монография А. Макрей может стать прочным фундаментом для лингвистической интерпретации не только постмодернистской метапрозы, но и языкового экспериментирования у модернистов (С. Беккет, А. Арто, Т. Бернхард и др.). Итогом обзора становится вывод о том, что в исследованиях последних лет восполняются пробелы в описании повествовательных и лингвистических маркеров и инструментов метатекстуальности.

Ключевые слова: метатекстуальность, метаповествование, текстовая саморефлексия, метафикциональность, метапроза, А. Макрей, Г. Бранд, Д. Мелье.

Известный теоретик литературы Б. Макхейл остроумно указал на вероломную цель метатекстуальности «испортить впечатление от простой геометрии зеркала, поднесенного к натуре» [McHale: 29]. Однако рефлекс и рефлексия (или, говоря строгим языком науки, эксплицитная и имплицитная метатекстуальность) – все более привычные спутники современной культуры, как никогда далекой от безоглядного мимесиса.

Метатекстуальность в своих философских интенциях проблематизирует вопросы языка, роль автора, героя и читателя, бросает вызов самому понятию референции, ставит под вопрос акт интерпретации, подрывая саму возможность правдоподобия, связности и завершенности текста. Но она же сегодня сопровождает и популярный канон: писатели, режиссеры, авторы видеоигр, комиксов, рекламных продуктов и т. п. не стесняются указывать на процесс конструирования условной реальности, их вымышленные герои нередко догадываются о своем положении внутри придуманного мира, но зачастую разрушают онтологические границы, подвергаясь «редактуре» или вовсе «стираются».

В русском литературоведении феномен метатекстуальности изучался уже в рамках формальной школы: в работах В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова и др. впервые были проблематизированы приемы саморефлексии текста, вступающего в «пародийный»

диалог как с традицией и современной литературной практикой, так и с собственными законами порождения. Авангардная практика, обострившая интерес к процессам генерирования и осознанного (само)разрушения текста, составила впоследствии материал не только отечественных (московско-тартуская школа, русская семантическая поэтика), но и зарубежных исследований по славистике [Hansen-Löve; Гюнтер]. Между тем обнаружение и обнажение «литературности», инициированное модернистским искусством, позволило пересмотреть и «традиционный» литературный дискурс, выявив в нем феномен метафигии (от Сервантеса до Пушкина и Л. Толстого), причем во всех литературных родах (метадрама, металирика).

Начиная с 1970-х гг. текстовая саморефлексия, метаповествование и метатекстуальность, часто понимаемые как синонимические понятия и трактуемые весьма широко, оказались предметом научного внимания в работах западных ученых, ассоциируемых с разработкой поэтики постмодернизма и историографической метапрозы [Scholes; McHale; Hutcheon; P. Waugh]. Однако описание повествовательных и лингвистических маркеров и инструментов метатекстуальности в науке весьма избирательно [Genette; Nünning; Prince; Wolf].

В коллективном труде “**Metafiction Short Story Writers**” (2016) читателю предлагается аналитический (с опорой на влиятельные

англоязычные литературно-критические источники) «пересказ» внушительного ряда малых повествовательных форм тех авторов, которые так или иначе тематизировали процесс творчества. Среди них не только самые яркие представители модернистской и постмодернистской метапрозы (В. Набоков, Т. Пинчон, Дж. Барт и др.), но и постколониальные авторы (В. Чандра), а также писатели, чье творчество, казалось бы, исключает какие-либо ассоциации с «самосознающим повествованием» (Т. Олдрич).

И хотя в заглавии издания фигурирует «метафикшн», некоторые из анализируемых художественных текстов неожиданным образом оказываются тесно связанными с «традиционным» литературным дискурсом. Так, предпринятое исследователем Г. Брандом беглое рассмотрение набокловских рассказов «Символы и знаки» и «Облако, озеро, башня» дает читателю возможность увидеть в одной из крупнейших литературных фигур XX в. не только мастера изоощренных вербальных игр, но и автора, небезразличного к раскрытию человеческого удела в категориях смерти надежд и отрицаемой обществом инаковости Другого.

Говоря о структуре работы, отметим, что тексты глав разбиваются на краткие тематические блоки, среди которых – изложение основных фактов биографии писателя, обозначение тематики и проблематики его творчества, предельно сжатая характеристика

отдельных авторских приемов и, наконец, собственно концептуальный «парафраз» произведений. Завершаются главы комментарием библиографическим списком.

На наш взгляд, рассмотренное издание может служить справочным пособием при разработке специальных курсов по поэтике малой метапрозы в целом и теоретическим ориентиром для сравнительных наблюдений и выявления поэтических закономерностей у весьма разных писателей-постмодернистов в частности.

Анализу саморефлексивного начала в американских комиксах последних десятилетий и специфики конструирования в них условных миров в частности посвящена написанная Д. Мелье глава «Конструирование миров и метафикшн в современных книгах комиксов» в коллективной монографии **“World Building. Transmedia, Fans, Industries” (2017)** под редакцией М. Бони. В ней обозначенный феномен соотносится с самосознающими формами изображения в других жанрах и медиа (в литературе, кино и видеоиграх).

Ссылаясь в качестве преамбулы на мысль А. Боя о том, что в самосознающем кино «фиктивная» природа художественного универсума определяется не столько фабульным компонентом, персонажами и манерой повествования, сколько визуальными кодами и пересечением онтологических уровней, Мелье пишет: «Тематизация конструирования ус-

ловных миров получает широкое распространение в книгах комиксов, начиная с “Часовых” (1987) А. Мура и Д. Гиббонса <...>. Зачастую в центре комиксов – множество вымышленных миров и путешествующие по ним персонажи, в особенности супергерои» [Mellier: 305].

Само же понятие мира применительно к книгам комиксов у Мелье имеет разные значения, указывающие на 1) обретение известным персонажем новых конфигураций, 2) альтернативную вселенную или тотальное переконструирование элементов «обыденного мира», 3) тематизацию идеи мира, порождающего сам себя. Среди комиксов, в которых актуализируются приведенные исследователем критерии: «Супермен. Красный сын» (2003) Марка Миллара; комиксы, изданные под импринтами DC Alternate и Marvel Ultimate; серии комиксов «Ключи Локков» и «Черная наука». В связи с последней весьма интересно замечание исследователя о том, что переменчивость социального и физического окружения, вызванная постоянной и неконтролируемой сменой онтологически разделенных уровней «мультиверсума», призвана подчеркнуть цельность истории протагониста: переход из одного время-пространства в другое не способен упразднить память о вине и чувство личной ответственности [Mellier: 307].

Примечательно, что Мелье то и дело возвращается к понятию мира в книгах комик-

сов, и всякий раз – уточняя его содержание и сферу употребления. Отсюда тематическая и структурная связность предпринимаемого исследования. Мелье словно вдохновляется мыслью Бойя о том, что в картине П. Верховена «Вспомнить все» (1990) и ее одноименном ремейке 2012 г. объектом настойчивых «поисков» героя становится собственно устройство повседневности.

Но важно и другое: книги комиксов, упомянутые выше, позволяют Мелье продемонстрировать специфику моделирования миров как процесса, сочетающего свободную игру с ризоматически ветвящимися означаемыми и текстовые структуры по типу металепсиса. По мнению исследователя, целью такого обнажения «сконструированности» помещенных внутри рамы текста изображенных миров является диалогическое вовлечение читателя в процесс постоянной ревизии статуса «фикционального» [Mellier: 306–308].

Все это, считает автор, позволяет говорить о развитии поджанра метакомиксов, природа которого самым тесным образом связана с постмодернистским инструментарием.

Во второй части главы Мелье сосредоточивается на различных визуальных манифестациях самосознающей сущности комиксов.

Одно из важных наблюдений исследователя состоит в том, что визуальные знаки зачастую выступают в качестве «иконических проводников» трансмедиальности, приводят к тому, что в произведение проникают

другие жанры. На примере, в частности, комиксов о Дэдпуле Мелье показывает, как «саморефлексивное» использование цветового оформления размывает семантическую границу между кинематографическим текстом и языком графики (подобно тому, как цветовые эффекты в фильме «Плезантвилль» (1998) акцентируют онтологическую нестабильность) [Mellier: 310–311].

Но если понимание читателями семантики цветового диапазона не вызывает трудностей, то представленные в книгах комиксов стилизации внелитературных текстов и дискурсов демонстрируют открытость интерпретационной воле читателя. Отсюда оппозиция эксплицитное – абстрактное. Важно, что оба ее члена мыслятся как взаимодополняющие, способствующие высвобождению визуальной образности и онтологической доминанты от власти литературного повествования. Именно это позволяет Мелье проблематизировать (в духе интеллектуальных настроений эпохи постмодернизма) дихотомию дистанцирования – эмоциональной вовлеченности: первое отражает общую тенденцию в рецепции высокого искусства, второе – массового [Mellier: 311–312].

Монография А. Макрей “**Discourse deixis in metafiction**” (2019) убедительно показывает, как излюбленные постмодернистской прозой «техники письма» усиливают создаваемый ими «эффект метафигурально-

сти» за счет взаимодействия с дейктическими единицами.

Предпринятый в первой главе обзор влиятельных теоретических и историко-литературных исследований (Р. Шолес, Л. Хатчен, П. Во, Б. Макхейл, М. Бахтин и др.) позволил Макрей установить, что вопрос о формальных, лингвистических манифестациях саморефлексивности в науке до сих пор всерьез не ставился. Обращает внимание исследователь и на отсутствие работ, в которых размышляющая над собственным языком и структурой проза изучалась бы с позиций современных направлений теории повествования и, в частности, с позиций «неестественной нарратологии» (*unnatural narratology*) (Я. Альбер, С. Иверсен, Г. Нильсен, и Б. Ричардсон), ориентированной на способность читателя-сотворца к переконструированию постмодернистского текста и сообщению ему смысловой наполненности. Важно, что неестественная нарратология предлагает теоретическое осмысление типичных метапрозаических стратегий, среди которых – интересующие Макрей в связи дейктическим дискурсом металепсис, метанаррация и дизнаррация.

Свою литературоведческую и теоретико-лингвистическую интерпретацию вышеуказанные саморефлексивные практики получают в главах 3, 4 и 5. Материалом исследования послужили шесть произведений британских и американских писателей од-

ного поколения: сборники короткой прозы «Заблудившись в комнате смеха» (“Lost in the Funhouse”, 1968) и «Невмы и дисканты» (“Pricksongs and Descants”, 1969), принадлежащие перу Дж. Барта и Р. Кувера соответственно, романы «Гиперболизации Питера Принса» (“Exaggerations (sic!) of Peter Prince” 2017) С. Каца, «В движении: героико-циклический роман» (“In Transit: An Heroi-Cyclic Novel”, 1969) Б. Брофи и, наконец, «Женщина французского лейтенанта» (“The French Lieutenant’s Woman”, 1969) Дж. Фаулза. То, что используемые в этих произведениях метафигуральные стратегии не только пестуют вариативность интерпретационных возможностей, но и вовлекают в поле художественного (пере)осмысления социально-политические и идеологические контексты, а также целый ряд философских тем, дает Макрей повод говорить о них как об образцах «высокой метапрозы» (high metafiction) [Macrae].

Глава 3 предлагает различать метатекстуальную (metatextual), метакомпозиционную (metacompositional), метадиегетическую (metadiegetic), метанарративную (metanarrative) и метадискурсивную (metadiscursive) нарратацию. В основе этой типологии – нарратологические штудии М. Флудерник, Ж. Женетта, А. Нюннинга, Дж. Принса и В. Вулфа. Несмотря на внушительный объем проработанного теоретического материала, семантика выде-

ленных Макрей типов метанаррации в их соотнесенности друг с другом и с метанаррацией в целом так и остается до конца не проясненной; сказывается, на наш взгляд, субъективная избирательность ученого в конкретизации своих теоретических положений примерами.

Предложенная исследователем в главе 4 трехчастная концепция металеписца – осознанный металеписец (metaleptic awareness), металептическая коммуникация (metaleptic communication) и металептические перемещения (metaleptic moves) – представляется оригинальной оптикой видения подвижности текстуальных рамок. Точнее было бы сказать, что металеписец выступает здесь вертикально ориентированным типом концептуализации коммуникативных уровней произведения в противовес линейному типу – т. е. дизнаррации (disnarration), которой посвящена глава 5.

Перспективы предпринятого Макрей исследования видятся во включении в орбиту дейктической концепции таких востребованных ресурсов поэтики постмодернизма, как *ad infinitum*, *trompe-l’œil* и др. Рецензируемая монография может стать прочным фундаментом не только для лингвистической интерпретации специфических черт постмодернистской метапрозы, но и для понимания природы языкового экспериментирования у таких модернистских авторов, как С. Беккет, А. Арто, Т. Бернхард и др.

Литература

Гюнтер, Х. По обе стороны утопии. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Genette, G. (1980). *Narrative discourse: an essay in method*. New York: Cornell University Press.

Hansen-Löve, A. (1978). *Der russische Formalismus. Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Hutcheon, L. (1980). *Narcissistic narrative. The metafictional paradox*. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier Press.

Macrae, A. (2019). *Discourse deixis in metafiction. The language of metanarration, metalepsis and disnarration*. London and New York: Routledge.

McHale, B. (1987). *Postmodernist fiction*. London: Routledge.

Mellier, D. (2017). *World building and metafiction in contemporary comic books. Metalepsis and figurative process of graphic fiction*. In M. Boni (Ed.), *World building*. Amsterdam: University Press, 304–317.

Nünning, A. (2005). *On metanarrative: towards a definition, a typology and an outline of the functions of metanarrative commentary*. In J. Pier (Ed.), *The dynamics of narrative form: studies in Anglo-American narratology*. Berlin: De Gruyter, 11–57.

Prince, G. (1995). *Metanarrative signs*. In M. Courrie (Ed.), *Metafiction (Longman Critical Readers)*. London: Routledge.

Scholes, R. (1979). *Fabulation and metafiction*. Urbana: University of Illinois Press.

The Editors of Salem Press. (2016). *Metafiction short story writers*. Salem Press.

Waugh, P. (1984). *The theory and practice of self-conscious fiction*. London & New York.

Wolf, W. (2009). *Metareference across media: The concept, its transmedial potentials and problems, main forms and functions*. In W. Wolf (Ed.), *Metareference across media*. Amsterdam: Rodopi, 1–85.

References

Genette, G. (1980). *Narrative discourse: an essay in method*. New York: Cornell University Press.

Гюнтер, Х. (2012). *Po obe storony utopii [On both sides of utopia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Hansen-Löve, A. (1978). *Der russische Formalismus. Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*[Russian formalism. Methodological reconstruction of its development from the principle of alienation]. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Hutcheon, L. (1980). *Narcissistic narrative. The metafictional paradox*. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier Press.

Macrae, A. (2019). *Discourse deixis in metafiction. The language of metanarration, metalepsis and disnarration*. London and New York: Routledge.

McHale, B. (1987). *Postmodernist fiction*. London: Routledge.

Mellier, D. (2017). World building and metafiction in contemporary comic books. Metalepsis and figurative process of graphic fiction. In M. Boni (Ed.), *World building*. Amsterdam: University Press, 304–317.

Nünning, A. (2005). On metanarrative: towards a definition, a typology and an outline of the functions of metanarrative commentary. In J. Pier (Ed.), *The dynamics of narrative form: studies in Anglo-American narratology*. Berlin: De Gruyter, 11–57.

Prince, G. (1995). Metanarrative signs. In M. Courrie (Ed.), *Metafiction (Longman Critical Readers)*. London: Routledge.

Scholes, R. (1979). *Fabulation and metafiction*. Urbana: University of Illinois Press.

The Editors of Salem Press. (2016). *Metafiction short story writers*. Salem Press.

Waugh, P. (1984). *The theory and practice of self-conscious fiction*. London & New York.

Wolf, W. (2009). Metareference across media: The concept, its transmedial potentials and problems, main forms and functions. In W. Wolf (Ed.), *Metareference across media*. Amsterdam: Rodopi, 1–85.

NEW BOOKS ON METATEXTUALITY

Yury I. Semenchenko, Assistant Lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru.

Abstract. The review considers recent scholar publications of foreign researchers devoted to the phenomenon of metatextuality, in particular “Metafiction Short Story Writers” (2016) by G. Brand, the chapter “World Building and Metafiction in Contemporary Comic Books” by D. Mellier in the collective monograph “World Building. Transmedia, Fans, Industries” (2017), as well as A. Macrae’s monograph “Discourse deixis in metafiction” (2019). G. Brand’s book presents itself as a kind of compendium of short prose by those authors who, in one way or another, have thematized the creative process. In reviewing the work by D. Mellier, emphasis is laid on the subgenre of meta-comics identified by the scholar. The monograph by A. Macrae can become a solid foundation for a linguistic interpretation both postmodernist metafiction and textual experiments of high modernism (S. Beckett, A. Artaud, T. Bernhard, etc.). The review concludes that research in recent years is helping to fill gaps in the description of narrative and linguistic markers and tools of metatextuality.

Key words: metatextuality, metanarration, textual self-consciousness, metafictionality, metafiction, A. Macrae, G. Brand, D. Mellier.

